Виноградов Б.В. (г. Армавир)

Скиба К. В. (г. Армавир)

Спасёнова М. В. (г. Краснодар)

Черноморские, линейные и донские казаки в путевых заметках Морица Вагнера «В земле казаков».

В годы Кавказской войны на Правом фланге Кавказской Линии (Кубанская и Лабинская Линии), в земле Черноморского казачьего войска и на Черноморской береговой Линии побывало несколько иностранцев, воспоминания и дневники которых, к сожалению, до сих пор не переведены на русский язык.

Среди них – чешский ученый-ботаник Фридрих Антон Коленати[1], Джордж Дитсон[2], первый из американцев, посетивший Северо-Западный Кавказ, известный художник-баталист Теодор Горшельт[3] и др. Из-за такого «научного пробела», целый пласт интереснейших исторических фактов выпадает из поля зрения российских историков...

В данной статье собраны впервые переведенные на русский язык и малоизвестные в научных кругах, выдержки о черноморских, линейных и служивших на Кавказе донских казаках, из работы немецкого ученого-естествоиспытателя Морица Вагнера «В земле казаков»[4].

М. Вагнер, уже побывавший во время своих научных экспедиций в Алжире, Персии, Центральной и Южной Америке, прибыл на Кавказ из Крыма в марте 1843 года. Его «экспедиция в казачьи земли» началась с высадки на Тамани, затем он побывал в Екатеринодаре, проехал по

---

[1] Kolenati Friedrich Anton Rudolph «Circassien». Dresden,1859.

[2] George Leighton Ditson «Circassia, or A tour to the Caucasus». New-York,1850.

[3] Theodor Horschelt «Sein Leben und seine Werke: Spanien, Algier, Kaukasus: nach den original zeichnungen Photographirt und in Albertitypie». Munchen,1875

[4] Moritz Wagner «Der Kaukasus und das Land der Kosaken in den Jahren 1843 bis 1846». Leipzig, 1847. Band 1-2. Перевод на русский язык делался с английского издания книги – M.Wagner «Travels in Persia, Georgia and Koordistan: With Sketches of the Cossacks and the Caucasus», London,1856. Vol. 1-2.

кордонной Линии вдоль реки Кубани от ее низовьев до Ставрополя. Затем он путешествовал по Тереку и Закавказью, побывал в Тифлисе и уехал морем в Константинополь.

Донские легенды и быт черноморских казаков, военные будни линейцев и набеги черкесов стали для Вагнера настоящим открытием, пробудившим в нем новые эмоции и оставившим много неразрешенных вопросов о «загадочной русской душе». Живой язык изложения, удачно подмеченные подробности военного быта казаков делают труд немецкого путешественника ценным историческим документом для всех, кто интересуется историей Северо-Западного Кавказа.

Для начала, в третьей главе своей книги, Вагнер, описывая свой путь вдоль Черноморской кордонной Линии от Темрюка до Екатеринодара, уделяет достаточно внимания внешности местных казаков:

«Черноморские казаки – прекрасные люди в полном смысле этого слова. Мало того, что они отличаются сильными и атлетическими формами, но черты их лиц очень выразительны. Это самое красивое славянское племя, которое я когда-либо видел. Даже если они безбородые, их лица красивее, чем у линейных казаков, у которых нет определенного типа. Их лучшие типы лиц напоминают у одних – черкесов, у других – турок и татар.

Военные предписания не приветствуют ношение бороды, поэтому черноморцы с особой нежностью ухаживают за своими усами. Они вытягивают их так, что концы оказываются за щеками. Их расчёсывают и мажут воском с большой осторожностью. Мало кто может похвастаться такими красивыми усами, даже венгры уступают черноморцам в этом отношении...

С другой стороны, осанка черноморцев более спортивная, чем элегантная. Спокойное выражение царит в их красивых лицах, что резко контрастирует с воинственным огнем, вспыхивающим в глазах черкесских узденей. У казаков нет зимнего платья, они обертываются в овчинные накидки (бурки – Авт.), что придает им несколько гротескный облик.

Даже с оружием, сопровождая конвой, они сохраняют свой громоздкий наряд, меняя его на синюю официальную униформу только когда на Кубани появляется инспекционный генерал»[5].

Прибыв в Екатеринодар, немецкий путешественник «не пожалел красок» для описания «войскового града» черноморских казаков:

«Беспристрастно оценивая казачью столицу, сравнивая ее с множеством городов, куда приводили меня мои дороги, я с готовностью признаю, что никто не может оспаривать у Екатеринодара право быть первой в мире мусоркой. «Не беспокойтесь, мой друг! – сказал мне мой спутник-голландец, – сейчас сухая погода и грязи совсем немного. Но вам стоит дождаться сырой зимы, чтобы увидеть, какой серьезный барьер представляет собой она для нападения черкесов! Нам еще повезло, что застряла только карета. Тут по нескольку дней увязали и всадники вместе с лошадьми»[6].

Утешившись этими словами, я вошел в казачий город. Я часто встречал описания казачьих городов, но они не давали полного представления. Нужно видеть их собственными глазами, чтобы понять, каковы они.

Степные города не имеют аналогов на Западе. Человек, смотрящий на степной город с воздушного шара, не заметит ничего неблагоприятного. Все дома маленькие, построены из навоза и земли, некоторые из дерева, крыши соломенные у всех, кроме резиденции гетмана. Улицы прямые, широкие, а дома выглядят как шеренги солдат. В городе много фруктовых садов, тщательно ухоженных и радующих взгляд после голых степей.

Но пусть путешественник приблизится – и тут же будет разочарован. Полевая грязь преобладает повсюду. Черные свиньи валяются в ней и их хрюканье слышно от рассвета до заката. Жители разводят свиней ради великолепного бекона. Никакие стены или валы не окружают город, который, как заметил мой друг, превосходно защищен грязевыми морями.

---

[5] M.Wagner «Travels in Persia, Georgia and Koordistan: With Sketches of the Cossacks and the Caucasus», London,1856. vol. 1. pp.107-108.

[6] На подъезде к городу у путешественников застряла в грязи карета и они пришли в город пешком...

В городе есть крепость, куда жители могут спрятаться, хотя это очень слабое место. Это дает странное представление о черкесской доблести: почему-то они никогда не пытались штурмовать Екатеринодар, крепость которого защищена только низкой стеной и канавой, которую мог бы перескочить более-менее опытный всадник. Но все дело в том, что горские племена Кавказа страшны только на собственной земле...».[7]

«Генерал N, человек совсем не блестящих талантов, командовал в Екатеринодаре в отсутствие генерал-лейтенанта Завадовского, который был тогда атаманом донских казаков. Этот достойный человек сообщил мне, что я был крайне неосторожен, путешествуя без сопровождения, так как три тысячи черкесов в последнее время проплывали через Кубань между Темрюком и Екатеринодаром, и что он издал приказ обследовать все заросли в дневном переходе вдоль дороги. Но хитрые черкесы часто избегают обнаружения и даже с конвоем путешествовать небезопасно.

Все эти объяснения, исходящие от человека, заинтересованного в том, чтобы я получил наиболее благоприятное впечатление о его стране, произвели на меня некоторое впечатление.

Я решил остаться в Екатеринодаре на несколько дней, чтобы получить о нем верное представление. Тем более, дул холодный мартовский ветер и мне не хотелось быть утащенным в горы и замерзнуть там, став черкесским рабом».

И пока путешествовавший вместе с Вагнером, «мистер V-f занялся обсуждением фазанов и других деликатесов со своими казачьими друзьями, а я посетил небольшой форт и странный казачий собор.

Это здание состояло из шести высоких и гротескных деревянных столбов. Два чудовищных колокола звонили на вечернее богослужение. Это был странный, грубый звук, которого я не слышал больше нигде. Я никогда не видел более безвкусное религиозное сооружение, чем это. Алтарь в соборе сверкал золотыми и серебряными украшениями и ликами святых, но при

---

[7] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp. 111-113.

этом стены были грязные. Руки и ноги святых были окованы серебром, а лики смешно искажены. Черноморские казаки показались мне менее знакомыми с изобразительным искусством, чем алжирские арабы»[8].

«Мой друг, английский путешественник Лонгворт, спросил меня по возвращении в Константинополь о сокровищах Екатеринодарского собора. Многие европейцы, читавшие путешествия Клапрота, воображают, что этот регион более богат золотом и драгоценными камнями, чем другие провинции России. Это ошибка. Немногие из черноморских казаков сопровождали российские войска в прибыльных кампаниях. Большая часть добычи из Польши, Италии, а также немецкие дукаты, которые носят казачьи девочки в качестве ожерелий, были унесены донцами и другими северными племенами.

Кубанские и терские казаки, как защитники империи с юга, никогда не удалялись от своих границ. В их обязанности входили, в основном, схватки с черкесами. Роскошь Екатеринодарского собора говорит скорей об их преданности, чем о богатстве.

Население Екатеринодара составляет пять тысяч душ, включая гарнизон. Если последует сигнал от аванпостов, то весь гарнизон уходит в степь, часто на несколько верст от города. Небольшой отряд пехоты – вся остающаяся защита города. Я уже говорил, странно, что черкесы до сих пор не взяли город. Г-н Лонгворт, который жил среди шапсугов и хорошо знал этих людей, справедлив в своем мнении, что нельзя измерять воинскую доблесть этих племен по европейскому стандарту.

Привыкшие к кустам, хитрым вторжениям, они не приспособлены к крупным, заранее планируемым экспедициям. Невосприимчивые к дисциплине, они не могут извлечь выгоду из личной храбрости посредством порядка, взаимодействия пехоты и кавалерии, тактическими приемами и концентрацией в данной точке»[9].

---

[8] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.112-113.
[9] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp. 113-116.

В следующей, 4-й главе своей книги М. Вагнер, «впервые в жизни» увидевший «на пятничном рынке в Екатеринодаре» закубанских черкесов, уделил их описанию несколько страниц, а затем перешел к рассказу о том, как оказался в гостях, «в домике черноморского капитана, где происходил пивной бой. Около дюжины усачей сидели вместе, играли в карты и пили водку из огромных бокалов. Никто из них не был трезв. Хозяин пожал мне руку так, что я едва не закричал от боли, после чего пришлось выдержать еще дюжину мускулистых рукопожатий.

Среди гостей не было никого выше капитана, все говорили на русском. Это дало мне возможность использовать свой небольшой словарный запас этого языка, но в Черномории говорят на таком грубом диалекте, что он был совершенно непонятен для моих ушей[10]. Казаки не одобряли моего обращения к переводчику, так как они любят разговаривать лицом к лицу.

У меня нет причин жаловаться на отсутствие гостеприимства ни здесь, ни где-либо в России. Гостеприимство является общим качеством для всех славян. При моем входе в комнату я застал страшную суматоху, все пьющие, казалось, пребывали в состоянии скотства. Но присутствие незнакомца мгновенно отрезвило их. Даже казаки прилагают большие усилия, чтобы скрыть государственные тайны от иностранцев! Мне передали вареное и жареное мясо, а хозяин обошел весь круг, предписывая всем гостям наблюдать приличия в моем присутствии.

Западные путешественники так редко приезжают на Кубань, что создают сенсацию среди этих грубых казаков, которые достаточно тщеславны, чтобы произвести на них положительное впечатление. Поэтому мой приход положил конец картам, крику и ругательствам, даже бокалы с водкой пригублялись с большими паузами»[11].

Затем Вагнер отправился вдоль Линии дальше, наблюдая по правому берегу Кубани «многочисленные «воздушные» сторожевые посты казаков,

---

[10] То есть на малороссийском (украинском) наречии.
[11] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp. 132-133.

громоздящиеся на четырех высоких шестах, где сама сторожка похожа на голубятню в немецкой деревне.

К ней тянется ветхая лестница и стоит черноморский казак, как статуя, в накидке из овчины, не отрывая взгляд от вражеского берега. Как утешение, у него в руках всегда имеется бутылка коньяка (бренди). С такой высоты ему видно большое расстояние, но его глаз не всегда может проникать в прибрежные заросли. Враг часто обманывает этого «ястреба» и сигнал тревоги дается слишком поздно. И даже если стражник избежит черкесского кинжала, то наверняка будет бит русскими»[12].

Конвой Вагнера состоял из «восьми черноморцев с красными копьями, без какой-либо специальной формы: одни были одеты в шинели, другие – в овчинные плащи. Помимо копий они носили мушкеты без штыков на кожаных ремнях.

Карета полетела по степи с обычной скоростью, влекомая четырьмя здоровыми казачьими лошадьми. Ямщик редко использовал хлыст, его громких басовитых криков было достаточно, чтобы подгонять коней до скорости ветра. Это обычный способ путешествовать по России...

Если дороги будут сухими, как и во время моей скачки в кубанских степях, то вы сможете передвигаться как минимум вполовину быстрее, чем по железным дорогам Германии»[13].

«Мало того, что мой эскорт не отставал от экипажа, так еще и один из всадников умудрялся отрываться вперед, чтобы предупредить эскорт следующей станции о моем приближении. До того, как карета прибывала на станцию, новая группа казаков встречала меня и меняла старый эскорт.

Несмотря на то, что небольшая группа солдат не вполне обеспечивала нашу безопасность, всадники развлекали нас, выглядя очень живописно и совершая различные трюки с копьями. Это облегчало усталость глаз от монотонности степи.

---

[12] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.163.
[13] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.164.

Первая казачья станица, которую мы достигли, называлась Корсунская. Она была заграждена рвом и изгородью из кольев. Чем ближе вы подъезжаете к деревням линейных казаков, тем крепче становятся станицы, так как опасность увеличивается по мере продвижения на восток. Там уменьшается глубина и ширина рек и набеги совершаются очень часто»[14].

В следующей станице по Линии – Васюринской, наш герой застал приготовления казаков для отражения очередного черкесского набега и услышал от своего спутника рассказ о нападении черкесов на эту станицу, случившемся 23 января прошлого 1842 года:

«Мы застали активные приготовления в станице Васюринской. Разведчики сообщили коменданту Усть-Лабы о предполагаемом вторжении через реку. Тот послал срочную просьбу о поддержке генералу Гурко, а пехотный полк под командованием немецкого полковника Фитингофа начал форсированный марш из Ставрополя на Правый фланг.

Только что в Васюринскую были привезены две пушки под конвоем ста черноморцев, пехота была под оружием, а все казачье население вооружилось копьями и оседлало лошадей.

Несмотря на то, что опасность была рядом, поскольку шпионы заявляли о трех тысячах черкесских всадников, собравшихся у подножья гор, русские и казаки выглядели спокойными, на их лицах не было ни страха, ни волнения. Тяжесть воинской дисциплины и частые встречи с опасностью притупили их чувства.

Мой спутник V-f объяснил мне, что в этой станице приготовления были более тщательными, чем где-либо еще, так как в январе 1842 г она была частично сожжена черкесами, по этому случаю погибло много казаков, и около 60 женщин и детей сгорели в огне.

V-f был в станице в ту страшную ночь, когда ехал в свой полк на Сунжу. Его живое описание ужасов битвы и пожара, хотя и были даны в простой

---

[14] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.165.

манере солдата, произвели гораздо больше впечатления, чем изящные и пафосные приемы писателей, действующие на психику аудитории...

Я повторю лишь некоторые моменты из его повествования. «Информация – начал мой спутник, – была получена от шпионов. Черкесы собирались в горах и во всех деревнях ставились пехотные пикеты.

Но разведчики также сообщили, что точный день вторжения еще не назначен, и уздени только обсуждают его, как это принято в Черкесии, где обсуждения и споры могут длится до нескольких недель. Именно поэтому большинство экспедиций черкесов за Кубань бывают неудачными.

Таким образом, русские были введены в заблуждение своими оплачиваемыми шпионами, генерал S-i надеялся нанести суровое поражение нападающим.

Но, к несчастью, набег совершился на 5 дней раньше, чем ожидалось. Мансур Бек обнаружил предательство, срочно распустил собрание, в котором у него был главный голос, и поспешил к Кубани с двенадцатью сотнями всадников, в то время как остальные вожди всё еще ожидали предполагаемого дня экспедиции.

Наши осведомители были обмануты и не успели проинформировать генерала S-i о внезапном отъезде Мансура. Я встретил нескольких знакомых в Васюринской и мы болтали до полуночи. Волнение и необычное беспокойство, которые, разумеется, были работой моего ангела-хранителя, не давали мне уснуть. Я что-то рассказывал дремлющим слушателям, как вдруг шум отвлёк меня. Я сразу почувствовал опасность и выскочил в рубашке.

Еще не слышалось ни одного выстрела, но я сразу узнал дьявольский крик врага: я слышал его и раньше, в горах, в свежем утреннем воздухе, когда я ночевал со стрелками у фургона.

До сих пор для меня является загадкой, как черкесы могли проникнуть в хорошо охраняемую станицу, не будучи замеченными. Наша пехота только начала открывать огонь, когда половина деревни уже была занята врагом.

Несмотря на лунный свет, эти выстрелы делали нам больше вреда, чем сами черкесы. Сначала я пытался укрыться от выстрелов пехоты, скопившейся у гауптвахты, но черкесы преградили мне путь. Тогда оставалось лишь прыгать через изгородь и скрываться в канаве.

Большинство семей забаррикадировались в домах, пытаясь защищаться. Горцы обкладывали их грудами сена, чтобы поджечь. Результатом стало страшное пожарище, осветившее дьявольским пламенем станицу и небо, которое стало светлым, как днем. Те, кто были заперты в своих домах, выбегали и пытались скрыться, но шашки черкесов возвращали их обратно. Если бы вы слышали крики несчастных женщин среди пламени и дыма! Многие из них предпочли бы рабство сожжению, но черкесы не брали в этот раз много пленных.

Наконец мне удалось добраться до караула. Если бы ситуация не была столь ужасной, я бы посмеялся над нашими солдатами, которые стояли под оружием без штанов, непрестанно заряжая и стреляя. Мы стояли твердо, свет от пожара помешал черкесам приблизиться и броситься в штыки. День положил конец конфликту и почти не пострадавший противник ушел с пленниками и своими убитыми.

Когда генерал S-i, прибыл из Екатеринодара с полком казаков, горцы уже исчезли и ему пришлось лишь засвидетельствовать результаты той страшной ночи: дымящиеся руины домов, почерневшие и изуродованные останки сожженных и убитых, плачущих матерей, ищущих своих детей и плачущих детей, ищущих матерей, немых и бледных отцов, не смеющих плакать. Наши храбрые пехотинцы так и стояли перед свитой генерала, с оружием и без штанов...»[15].

Затем, после Васюринской, Вагнер начинает описание станиц линейных казаков: «Село Воронежская образует границу между Черноморией и территорией линейцев. Последние отличаются особым костюмом, физической структурой, своеобразным религиозным фанатизмом, которое,

[15] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.167-171.

однако, проявляется более во внешней форме, чем в образцовых добродетелях.

Их одежда и оружие так похожи на черкесские, что я, к своему ужасу, поначалу спутал их. Они носят шашку и пистолеты, которые изготовлены гораздо элегантнее, но менее надежно, чем у черноморцев.

Зато линейцы считаются лучшими солдатами, чем последние. Похищая из гор женщин и детей, они унаследовали много черкесской крови, и с ней главную горскую добродетель – храбрость. Русские генералы обязаны линейцам самыми удачными операциями на Кавказе.

Офицеры обычно говорят с презрением о донских казаках, проживших на Кавказе всего лишь три года, сравнивая их неуклюжесть с ловкостью линейных казаков на Тереке и верхней Кубани. Автор хорошо известной английской книги «Открытие России», помимо других бесчисленных ошибок, назвал черноморских казаков лучшей кавалерией нерегулярных войск России. По-видимому, он был не знаком с линейными казаками, большинство из которых не связывают свое происхождение с Украиной.

Нашествия черкесов не так часты на Кубанской Линии, так как казаки всегда готовы отчаянно защищаться, хотя верхняя Кубань наиболее благоприятна для переправы, чем нижняя. На пути из станицы Воронежской в Кавказскую путешественник повсюду встречает население, готовое к войне. Даже мальчишки готовы встать рядом с отцами, если нужно выслеживать врага в зарослях.

Черноморцы более ленивы и менее бдительны, реже пересекают Кубань и живут ближе к врагу. Я часто встречал этих казаков (сопровождающих карету – примечание переводчика) с капризными и унылыми лицами, лежащими на траве возле пасущихся лошадей, когда им было приказано исследовать заросли. Когда мой попутчик указывал им на это, они медленно поднимались, ища свои копья и зевая.

За десять дней до моего прибытия в станицу Усть-Лабинскую черкесы пересекли реку между Воронежской и Васюринской. Согласно русским

рапортам, которые в целом преувеличивают численность врагов, их было три тысячи. Кажется, они решили осуществить попытку из-за низкой воды, по той же причине черкесы снова собирались в горах для новой атаки.

Густой туман, обычный для этих степей, скрыл большую часть кавалерии от взоров казачьих форпостов. Враг двигался по большой дороге и было не ясно, собирается ли он атаковать Усть-Лабу или более слабые станицы. До того, как они добрались до первой станицы, они внезапно нарвались на отряд из пятидесяти казаков, вооруженных пистолетами (?).

Из-за густого тумана оба противника не видели друг друга, пока не столкнулись. Отступление для линейцев было невозможным, и они дрались, как настоящие мужчины. Все они были зарублены, и только трое захвачены в плен. Черкесы больше ничего не предприняли, вероятно, они думали, что казаки охраняли тыл дивизии. Но на самом деле они всего лишь сопровождали обоз в Воронежскую. Недалеко от бывшего карантина Усть-Лабы нам показали место, где нашли тела сорока семи казаков.

Я благодарил мои звезды за задержку в Тамани, восхвалял черноморские штормы, так как все это произошло как раз в тот день, когда я рассчитывал добраться до Усть-Лабы, если бы меня не задержали в Керчи, Феодосии и на Тамани. Если бы мы не были сохранены провидением, то моя шея и шеи моих спутников познакомились бы с черкесской сталью, или получили бы интересный опыт рабства среди кавказских скал.

У меня были споры со спутниками относительно действий, которые мы должны предпринять в случае нападения. Об успешном сопротивлении не могло быть и речи, так как нас было всего 14 человек и мы были плохо вооружены. Черкесы редко пересекают Кубань числом менее двухсот. Наш эскорт более доверял лошадям: они могли заранее почуять готовящееся нападение. Но это действовало только на открытой местности, в зарослях опасность усиливалась.

Усть-Лаба – одна из крупнейших деревень на Линии. Маленькие домики с соломенными крышами стоят прямоугольно пересекающимися рядами, как

батальон на построении. Белая церковь с зелёным куполом и башни, стоящие посреди деревни, создают очень живописный вид.

Крепость Усть-Лабинская, расположенная на расстоянии выстрела от деревни, укреплена лучше, чем любая из застав на Кубани. Мы провели здесь ночь, наблюдая за военными приготовлениями.

Шпионы только что спустились с гор и вели переговоры с комендантом в закрытой комнате. Сборище узденей накопилось на левом берегу Лабы. Точка переправы еще не была известна разведчикам, но казачьи посты и часовые проводили ночь под оружием.

До захода солнца я прогулялся от деревни до берега реки с моей верной винтовкой в руках. Желая осмотреть левый берег, я начал переправляться. Земля там была покрыта древесной порослью, тишина вечера нарушилась только треском падающего подрубленного тополя. Покой и мирные занятия рыбаков и лесорубов представляли собой яркий контраст с военной суматохой в крепости и станице. Когда на правом берегу деревьев почти не было, на левом, чем дальше вы продвигаетесь по суше, тем выше становятся леса из величавых дубов и буковых деревьев.

Я не видел аулов вблизи, но в верстах десяти на юг заметил столбы дыма, исходящие от печей черкесских деревень. Я поспешил переправиться обратно, так как даже казаки-лесорубы предупреждали меня не оставаться на левом берегу после наступления темноты. Я не стал наносить визит коменданту, так как бедный офицер и без того был напуган, торопился, отправлял и получал сообщения.

Однако он предоставил мне удобные помещения в станице, где ко мне тут же пришли несколько офицеров, в том числе поляк, который сердечно обнял моего слугу узнав, что он венгр.

Наш разговор касался возникшей опасности и вероятного места прорыва противника. Говорили также об уничтожении передового отряда казаков. Были получены новости от трех пленников и велись переговоры об их выкупе с помощью мирных племен.

Половина гарнизона провела ночь под оружием, остальные же спали одетыми с винтовками в руках. Даже толстый казачий мальчик пятилетнего возраста показал мне свою лошадь.

Золотой рассвет блеснул сквозь щели казачьего дома весело и ярко. Мы успокоились и шутили над страхами прошедшей ночи. Предчувствия и голубые дьяволы[16], подпитываясь вечерними сумерками, гонялись за нами, увеличивая реальную опасность, когда как веселый свет дня вселил снова уверенность и мужество в сердце.

Сидя в карете, я снова скачу, как обычно, на полной скорости со своим казачьим водителем по степи, чувствую радость и свистящий ветер позади нас. Бледно-голубой горизонт окрашивался фиолетовым оттенком и розовые капли росы блестели на белых венчиках крокусов. Глядя на великолепие наступающего дня я не мог и думать о мраке прошедшей ночи.

Между Усть-Лабой и Ладожской мы часто встречали одиноких черкесских всадников, которые с мирными намерениями пересекали Кубань. Их трудно отличить от линейных казаков по одежде и снаряжению. Но подлинный черкесский тип не так заметен в чертах последнего.

Вообще, черкеса легко отличить по благородству черт, орлиному носу и густой черной бороде. Даже не заметя этих признаков, вы отличили бы черкеса более высокой посадкой. В то время как казаки, проезжающие мимо, кланялись нам еще за тридцать шагов, черкесы проезжали мимо гордо, даже не пошевелившись, чтобы приветствовать нас.

Мужчины у казаков и великороссов обычно красивей, чем женщины. В целях исключительно физиономических исследований я старался заглядывать под покровы всех встречающихся казачьих женщин и девушек, когда мы останавливались в станицах. Следовательно, в своем переходе от Черного моря до Терека я должен был изучить, по крайней мере, тысячу женщин. Но только во время моего пребывания в станице Кавказской я

---

[16] «Образное выражение, означающее тревогу, предчувствие» - примечание переводчика английского издания.

написал в дневнике: «Наконец-то прекрасная женщина!». Нигде я не встретил такого милого лица, как у нашей хозяйки в Тамани, сколько я не странствовал по земле казаков.

С другой стороны, мужское население обладает большим преимуществом во внешности, особенно в станицах Ладожской, Казанской и Кавказской. Мальчики, которые толпой встречали нас, имели умные, беззаботные и веселые лица и смотрели на нас ясными, смелыми глазами...

В крепости Тифлисской я нашел сильный пехотный гарнизон под командованием немецкого полковника Васмунда.

В станице Темижбекской мой спутник-голландец был отправлен в свой полк и, в целом, по всей Кубани были тревожные сообщения и движения войск. Следуя предупреждениям нашего генерала, мы никогда не покидали места ночлега слишком рано и не двигались в сумерках. Было бы безрассудно путешествовать по Кубани ночью.

Опасность вторжений уменьшается, как только вы достигнете крепости Новоалександровской. В этом месте высокая дорога покидает речной берег и проходит по владениям татарских племен, не встречая снова Кубани.

За двадцать верст до Ставрополя, в станице Новотроицкой мы оставили наших казаков и направились в Ставрополь без сопровождения. Характер страны здесь меняется...»[17].

«Ставрополь – светлый, воздушный и довольно большой город с необычайно широкими улицами, на которых лошадиная скачка может проходить без вреда для пешеходов и помех для снаряжения. Я хотел бы преподнести в подарок проект этого города римлянам вместо их узких и мрачных улиц Корсо.

Я признаю, что необычная, прямоугольная схема улиц русских кавказских городов напоминает о военном государстве, о монотонности

[17] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.171-180.

казарменной жизни. Тем не менее, солнечный свет и чистота домов создают благоприятное впечатление.

В Ставрополе находится генеральный штаб командира Кавказской Линии, он подчиняется командующему в Тифлисе, но на самом деле является инициатором всех крупных военных предприятий на Кубани и Тереке.

Веселый и тучный генерал Траскин, начальник штаба, предоставил мне эскорт для охраны на опасных местах Терека. Я дал себе день отдыха и заимел приятное знакомство с обитателем соседней комнаты, ливонским капитаном, проведя с ним вечер в оживлённых беседах»[18].

К теме черноморских и линейных казаков Кубани Вагнер еще раз возвращается в 11-й главе («Казаки») своей книги:

«Черноморские казаки, обитающие на правом берегу Кубани от слияния Черного и Азовского морей до впадения Лабы в Кубань, являются потомками тех самых запорожских казаков, которым их настоящее место жительства было прописано указом императрицы Екатерины 8 апреля 1783 г.

В момент миграции их численность составляла 60 000 человек. Чума, пронесшаяся в 1796 г и нездоровый климат уменьшил их численность в течение первых лет их расселения. К этому нужно добавить и смертельную вражду с черкесами. С того времени население увеличилось не намного и не соответствует той территории, которую занимает.

Эта страна, местами заболоченная, имеет богатые пастбища и отлично приспособлена для сельского хозяйства, в остальном же она уныла и монотонна, как я уже описывал. Сильные северные ветра из Сибири, не встречающие преград, носятся по степям в течение большей части года, внезапные и сильные ливни зимой, разливы Кубани затрудняют сообщение между станицами.

Летом, когда мало дождя, солнце сжигает траву в степи, уменьшая пастбища для стад, превращая зеленые просторы в коричневые пятна. Плачевное однообразие страны дополняют негостеприимный климат и

---

[18] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.181-183.

лихорадки. Жители подвергаются всем трудностям войны, тяжелой военной службе и ежечасной опасности быть убитыми врагом, вторжений и грабежей, краже детей и жен.

Черноморские казаки составляют 10 полков, каждый из которых состоит из тысячи человек. После трехлетней службы они меняют копья на косу и плуг, освобождая место в строю для других казаков, потом снова наступает их очередь. Все их офицеры – родом казаки, их гетман – генерал Завадовский, командующий в Екатеринодаре.

Черноморцы – сильные, хорошо обученные люди с красивыми чертами, очень похожи на венгерских крестьян. Они не носят бакенбард, но имеют очень длинные усы, простирающиеся за щеки с обеих сторон. Они очень тщательно ухаживают за ними.

Казаки носят форму только на праздники. В основном я видел дежурных казаков в грубых овечьих пальто. Бриджи из грубой ткани заправляются в сапоги, а голова покрывается черкесской шапкой. Оружие их состоит из копья, окрашенного в красный цвет, длиной 8 футов, и мушкета без штыка, который носят за спиной.

Я слышал много преувеличенных описаний красоты казачьих женщин. Иногда даже замечал среди девушек очень симпатичные фигурки, но это редко. Удивительно, что здесь, как и во всей России, среди расы с такими прекрасными мужчинами мы встречаем так мало красивых женщин.

Это просто объяснить на примере казаков: молодые казачки рано привыкают к тяжелому труду, а северные ветра, обдувающие их нежные лица во время пахоты, столь же вредны для сохранения красоты, как и жаркое солнце июля, которое преследует их во время уборки урожая.

Их одежда так же не рассчитана на то, чтобы подчеркивать красоту фигуры, эти честные казачки не умеют украшать себя приятным кокетством. Это замечание относится к ним лишь в целом, хотя имеются прекрасные исключения. Когда я был в маленьком казачьем домике на Тамани и писал в

своем дневнике первые впечатления от этого городка, в комнату вошла жена офицера, у которого я был расквартирован.

На ней был суконный плащ, отделанный мехом, с которого стекали капли дождя, потому что на улице была ужасная буря. Ее маленькие ноги были одеты в цветные чулки, из-под синего шелкового платка выглядывало лицо чудесной красоты. Светло-голубые глаза, тонкий цвет кожи, хорошенький рот и неописуемо милое выражение, оживляющее все черты, а также мягкий тон голоса, которым она произнесла: «Здравствуйте, сударь!» и поклонилась незнакомому гостю с такой грацией, которая произвела на меня сильное впечатление.

Я хотел было закончить свой очерк о казачках панегириком их красоте но, к счастью, вспомнил как англичанин, описывающий один французский город, упомянул, что все женщины там были рыжие и сварливые только потому, что глядя из окна на почтовую службу, он видел рыжеволосую женщину, спорящую с мужем. Я решил стать разумнее и не делать выводов о красоте женского пола, пока не увижу других казачьих женщин.

И вот, во время всего моего путешествия по стране казаков, я не встречал такого красивого лица, как у прекрасной Марии К-в, жены моего хозяина в Тамани.

Черноморцы не особо отличались в войне с горцами, а черкесы их боялись гораздо меньше, чем линейных казаков, которые более драчливы, ловки и смелы, чем их соседи. Стремление к беспечной, ленивой и мечтательной жизни – это господствующая черта черноморцев, в частях Кавказской армии с презрением отзываются об этих казаках.

Набеги черкесов гораздо удачливей на станицы черноморцев, чем на бдительных линейных казаков, которые приобрели хитрость и ловкость в битвах с черкесами.

Я часто наблюдал флегматичность черноморских казаков, когда приезжал в станицу или останавливался на почтовой станции, где не было часовых и казаки, находясь вдалеке от своего оружия, лениво мечтали в

траве, в зоне видимости врага, который почти еженедельно производил грабежи в их станицах. Если случалось, что кто-то из этих казаков призывался в конвой, то они как можно угрюмей седлают своих лошадей и берут копья, все время зевая. В их гладких лицах вы видите то же выражение, тот же характер ума, как и у толстого рыцаря Шекспира, что должен был идти против Перси Хотспера.

Бедным черноморцам не за что благодарить Екатерину, подарившую им такую обширную землю. Они с удовольствием жили бы с более мирными соседями, чем с горцами Кавказа. Путешествуя по Кубани, я разделял с ними это мнение. Каждый день я слышал о набегах и грабежах даже в тех станицах, что были защищены рвами и плетнями.

Благородные черноморцы и офицеры разных рангов, живущие в Екатеринодаре, главном городе казаков, пытаются утешать себя питьём, интригами и азартными играми, отвлекаясь от своего изгнания в эту мрачную землю. Во всех моих путешествиях по Европе, Африке и Азии я не находил столько грязи, как в Екатеринодаре, где даже в сухое лето колеса остаются на улицах. И я не видел более безудержной жизни, как в главном городе черноморского казачества.

В селе Воронежская мой черноморский эскорт был сменен линейными казаками. Они носят черкесское платье: пальто из ярко-коричневой ткани с кожаным поясом вокруг бедер и с цветными узорчатыми петлями с обеих сторон груди, в которых они носят патроны. На ногах у них синие бриджи, на голове – черкесская шапка.

Вместо копий у них есть сабля (шашка), слегка изогнутая, кинжал длиной в полтора и два дюйма (?) и длинный пистолет, заткнутый за спину. Когда эти казаки, вызванные на смену уехавшим вперед черноморцем, примчались по степи, я принял их за черкесов и подумал, что это нападение!

Что касается Ставрополя, там я всегда путешествовал с караулом казаков в черкесском костюме. Из Ставрополя в страну Терека мой эскорт

состоял из донских и уральских казаков, среди которых не было таких мужественных и красивых фигур, как среди линейцев.

Те, кто знаком с особенностями здешней природы и с черкесскими способами нападения, мало доверяют защите такого эскорта, который даже сопровождая генерала, редко достигает 25 человек. Черкесы, скрывающиеся в тростниках, редко пересекают Кубань количеством менее 500 человек.

Если бы эскорт состоял из храбрых людей, они были бы готовы пролить кровь, защищая путешественника. Но эти люди удерживаются лишь страхом смерти или тюремного заключения. В большинстве случаев эскорт вполне разумно предпочитает побег, поскольку в противном случае и путешественника спасти не удастся, и жертв будет больше. Единственная польза, которую приносит эскорт по Кубани для безопасности путешественника это то, что казаки могут быстро дать знать, что впереди – засада черкесов.

У вас будет время выдернуть поводья, вскочить на одну из лошадей, и попытаться скрыться. Такой побег теоретически возможен, но эти случаи редки, потому что черкесы молниеносно выбегают из засады так, что путешественник едва успевает оседлать лошадь.

Я не очень доверял своему эскорту, но их компания предоставила мне возможность тщательно изучить этих замечательных кавалеристов. Каждые 6 или 8 верст мой эскорт менялся, так что между Екатеринодаром и Владикавказом меня сопровождали более 600 разных казаков.

В то время как мой русский почтальон управлял лошадьми со скоростью стрелы, казаки бросались в погоню сзади и впереди кареты, а один из них еще быстрее мчался, чтобы подготовить новое сопровождение на следующей почтовой станции»[19].

«Казаки Кавказской Линии, по информации мсье де Фонтона, присутствовавшего при Паскевиче, образуют военную колонию в 48 000 человек на берегах Кубани и Терека. Они выставляют 6092 исправных

[19] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.304-306.

солдат. Все они заняты не обычной службой, а обработкой земли, но всегда готовы в чрезвычайных ситуациях подчиниться приказу генерал-майора. Эти казаки обладают богатыми стадами крупного рогатого скота: 26 000 лошадей, 96 000 крупного рогатого скота, 188 000 овец.

Линейцы также должны вести войну с горцами. Они обитают в больших деревнях (станицах), улицы которых широкие и прямые, как во всех русских городах. Маленькие домики построены из тростника и глины. В центре стоит небольшая каменная церковь с колокольней, украшенная и побеленная, с крышей и куполом зеленого цвета.

Почти у всех станиц нет другого укрепления, чем толстая изгородь из колючих ветвей, которую трудно перелезть, но легко поджечь. Иногда станицы окружены канавой.

Между станицами везде встречаются аванпосты, где легче всего пересечь Кубань. Маленькие сторожевые будки висят на четырёх шестах, похожие на голубятни, к ним приставлены лестницы.

Казачий стражник сидит на своем воздушном троне, его острые глаза постоянно направлены на берег реки. Когда часовой видит, что отряд черкесов плывет через реку, он берет солому, которая находится рядом с каждым постом, поджигает ее, седлает лошадь и бросается в следующую станицу. Там сигнал тревоги уже замечен и выстрел из пушки призывает казаков к оружию.

Все спешат к Кубани, чтобы отрезать наступление. Если черкесы заметили, что люди в станицах готовы к бою, то обычно возвращаются, так как в этом случае нападение принесет больше жертв, чем добычи. Во многих станицах стоят небольшие пехотные гарнизоны. Однако если черкесам удается пересечь Кубань ночью, с осторожностью и не быть замеченными разведчиками, то ближайшая деревня тщательно разграбляется прежде чем к ней придет подкрепление.

Затем атакованная станица поджигается и пламя дает возможность для отступления черкесам, которые крича с радостью, уносят свою добычу: женщин и детей казаков, и натыкают головы своих врагов на концы саблей.

Иногда желание получить больше голов и пленников задерживает черкесов слишком долго в станице и их отступление отрезается превосходящей силой казаков. В таких случаях они оставляют пленников и добычу и начинают носиться по степи, как ураган.

Это погоня за жизнью или смертью! Черкесы, кричащие как шайтаны, носятся на своих длинноногих лошадях по безбрежной равнине, а за ними гоняются казаки, крича своё «ура» и жаждут мести за своих жен и детей.

Черкесы стремятся совершать маневры, либо отступать, либо отвлечь казаков от своей пехоты и полевой артиллерии. Если это им удается, то отряд самых решительных черкесов обрушивается на стремительных преследователей, выбивает их из седел.

А когда к казакам и черкесам наконец прибывает подкрепление, начинается кавалерийская магия, которую трудно себе представить. Блестят сабли, спешенные всадники продолжают бой пешими, стремясь вонзить кинжалы в грудь противника.

Те, кто боится участвовать в ближнем бою, разряжают свои пистолеты в противника и, сбив его с лошади, галопом мчатся, чтобы нанести последний удар тому, с кем только что боялись встретиться лицом к лицу.

При равной силе, одинаково хороших лошадях и навыках в бою победа черкесов или линейцев зависит от численности тех и других. Но неуклюжие донские и черноморские казаки, вооруженные копьями и мало задействованные в войне, несравнимы с черкесской конницей в таких конфликтах.

Было много споров касающихся достоинства и недостатка копья как кавалерийского оружия. Уважаемые военные специалисты, такие как маршал Мармон, предпочитают копье мечу...»[20].

---

[20] M.Wagner «Travels in Persia...». vol.1. pp.306-309.

«В массовом сражении копье, безусловно, является страшным оружием, но в одиночном бою оно находится в невыгодном положении у солдата, испытавшего выгоды меча. Это было обнаружено в России, где копье является любимым оружием кавалерии и некоторые казаки вооружены мечом и кинжалом.

Черкесы стараются не нападать на донских казаков, выстроенных в линию с торчащими копьями. Но в дикой кавалерийской драке, какие мы часто видели на Кавказской Линии, каждый выбирает себе противника, донского казака, если первый его порыв с копьем не удастся, что делает его, как правило, пропащим человеком.

Кавказец умело избегает стального наконечника, парирует, сталкивается с противником, чье копье стало бесполезной тяжестью, и выбивает его из седла энергичным ударом сабли. Победа обычно наступает с медленно волочащейся в своих серых пальто пехотой с тяжелой полевой артиллерией. Оставшиеся в живых горцы плывут обратно за Кубань, радуясь или жаждая мести, в то время как поздно появившаяся пушка, наконец, делает первый выстрел...»[21].

Не менее интересным является продолжение, точнее вторая часть главы «Казаки», помещенная им во второй том своей книги[22]. Она начинается с рассуждений Вагнера о типах внешности в «среде всей массы казаков Кавказской Линии», где он «из всей массы казаков» выделил «три физиогномических типа: во-первых, настоящие русские, с широким славянским лицом, носом и светло-коричневой бородой.

Во-вторых – более благородный тип, состоящий из смеси славянской расы с татарами и черкесами, с горбатым носом, приближающимся к «орлиному», как у кавказцев, овальным лицом с тонкими чертами, живыми глазами и бородой, не такой редкой, как у русских. На сегодняшний день такой тип наиболее распространен среди линейцев.

---

[21] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp. 310-320.
[22] M.Wagner «Travels in Persia, Georgia and Koordistan: With Sketches of the Cossacks and the Caucasus», London,1856. Vol. 2.

И в-третьих – подлинно черкесский тип, который нечасто встретишь в казачьей среде. Эти люди с чистой кавказской кровью, растворённые в массе солдат, сразу бросаются в глаза из-за угольно-черных бород, огненных глаз, удлинённых лиц и энергичных жестов. Движения этих потомков настоящих черкесов, безусловно, более изысканные и благородные, чем у коренастых и пухлых славян.

В религии славяне склонны к сектам, широко распространённым среди малороссов (здесь Вагнер явно имел в виду русских старообрядцев – Авт.). Для приема гостей они употребляют отдельную посуду, как и нетерпимые шииты в Персии. Они считают себя более благочестивыми и праведными, чем их северные соплеменники.

Я любовался бодрыми и веселыми казачьими детьми, каких я не видел в других русских деревнях. Молодые казачата – чудные ребятишки с живыми, открытыми лицами. Большинство из них носят рубашку, препоясанную узким поясом, штаны из грубой льняной ткани и своего рода сандалии. Многие бегают босиком. Из числа казачьих детей, растущих в атмосфере постоянной опасности и военных конфликтов, вырастут отличные солдаты для русской Кавказской армии, воюющей против черкесов и чеченцев»[23].

В свое работе Вагнер уделил внимание и донским казакам, которых он регулярно встречал во время своего путешествия по Кавказу:

«Казаков, живущих на Кубани и Тереке, которые используются русской армией для отражения набегов горцев, в качестве конвоя для военных и путешественников и для всякой другой службы, недостаточно, поэтому правительству приходится призывать на службу на Кавказе казаков, населяющих берега Дона.

Десять полков донских казаков, в каждом полку по 1000 всадников, служат на Кавказе в течение трех лет, а затем их сменяют другие полки

[23] M.Wagner «Travels in Persia...». vol.2. pp.1-3.

донцев. В последнее время к этим казакам прибыло значительное подкрепление.

Легко было угадать, что донские казаки неохотно пойдут на такую войну, где много опасности, но мало добычи. Русское правительство с удовольствием бы переселило донцов на Терек и заставило их быть такими же храбрыми, как кавказские казаки, подвергая свои семьи и имущество нападениям горцев.

Но, похоже, что правительство не хочет ссориться с донскими казаками, которые хотя и верны императору, но все же не так терпеливы, как великороссы. Поэтому их стараются не обижать, удаляя донцов из спокойных домов на равнины к подножью Кавказа, к лихорадкам и войнам, нападениям и грабежу.

Донцов применяют для общей военной службы. Соответственно, казаки с Дона и Урала не сражаются, как черноморцы и линейцы, против горцев за своих жен и детей; они оставляют свой очаг далеко на Дону с величайшим нежеланием и отсутствием энтузиазма или жажды мести. Они считают свою службу тяжелой ношей. Они подсчитывают каждый день из трёх лет, когда они должны созерцать вершины Кавказа, тоскуя по женам и детям, и часто показывают себя зелеными новичками на поле битвы.

Но если мы ближе познакомимся с истинным духом Донского войска, то увидим в них тех же солдат, или их потомков, которые пробуждали ужас в ветеранах Наполеона на холодных биваках России.

Неприязни, которую испытывают донские казаки к Кавказской войне, можно объяснить несколькими причинами. Неправ будет тот, кто находит их в трусости или нежелании обменять тихий быт на сражения. В последних российских компаниях против турок и персов донские казаки показали такое же мужество, как и другие русские солдаты.

Один русский офицер сказал так: «Кто не видел, как донцы сражались под Эриванью, в Ахалцихе и Бейбурте, вряд ли поверил бы, что они такие же люди, как и в наших экспедициях против племен Кавказа. Против персов и

турок они сражались стремительно и мужественно; даже раненые казаки не сходили с лошадей. С громкими криками они все галопом неслись в дыме битвы.

Но в этих страшных горных войнах, едва мы подготавливаем экспедицию, как многие из них сказываются больными. Если одного из донских казаков ранят на поле битвы, то двадцать человек обступают его, надеясь под предлогом помощи раненому самим выйти из боя»[24].

«Хорошо известно, что донские казаки – хорошие наездники, но линейцы превосходят их в этом. Военный парад, состоявшийся в Тифлисе 7 мая 1843 года дал мне возможность в этом убедиться. На большом лугу против немецкой колонии Нового Тифлиса казаки, татары и грузины показывали перед главнокомандующим армией генералом Нейдгардтом такие трюки верховой езды, которых я прежде не видывал.

Татары и грузины были в великолепных национальных костюмах, линейцы – в кавказских шинелях, вышитых серебром, а донские казаки – в синих парадных мундирах. Они демонстрировали дикие конные схватки, размахивали плётками, стреляли из пистолетов и мушкетов. Это были самые красивые постановочные бои, которые только можно себе представить.

Все было похоже на настоящий бой, даже боевые крики черкесов, только не было пролития крови. Те, кто никогда не был в экспедициях, мог получить представление о взаимодействии войск на Кубани.

С другой стороны, все кавказцы очень любят кавалерийские шоу такого рода. Следовательно, весь Тифлис собрался на площади, а прекрасные лица грузин, обычно такие холодные и независимые, при виде скачущих лошадей и бряцающего оружия приобрели выражение азарта.

Казаки-линейцы прекрасно держались в седлах, хотя пять или шесть всадников были выбиты. Зависть и ревность царят среди различных групп казаков, как и между разными войсками»[25].

---

[24] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 1. pp.4-6.
[25] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 2. pp.6-8.

«Среди черноморских казаков и линейцев я провел мало времени, но с донскими казаками у меня было довольно долгое общение. Они были моим постоянным эскортом в горах Осетии, Закавказья и Армении, их черные копья охраняли мою палатку даже на вершине Арарата, откуда открывается вид на три мировые империи: одну молодую, развивающуюся и могущественную и две старые и угасающие.

Донцы также были моими преподавателями русского языка. Во время моего пребывания в Крыму я усердно изучал русскую грамматику, но применив ее на практике, увидел, что меня не понимают. Немцу очень трудно правильно произносить славянские слова.

Но благодаря постоянному общению с казачьими слугами, мои уши и язык привыкли к чужим тонам и наконец, меня стали понимать.

Если бы я высказал свое личное мнение о характере казаков, сформировавшееся во время моего пребывания с ними, то оно было бы нелицеприятным, хотя оно и не совпадает с мнениями других людей, имевших с казаками более длительный контакт, и которые наблюдали за донцами дольше, чем я.

Казаки общаются с большим притворством и коварством с людьми, по отношению к которым они находятся в подчиненном положении, например, в качестве слуг или сопровождающих. Их предупредительность и вежливость могут ввести в заблуждение.

При более длительном знакомстве зачастую поражает, как развито искусство притворства и хитрости у этого в остальном неразвитого народа.

Между собой донские казаки очень приветливы, вежливы и разговорчивы, но всегда готовы обмануть земляка и товарища и даже обокрасть его. Склонность к воровству, кажется, общий порок казаков; то, что делается во вражеской стране открыто и дерзко, в своей делается тайно и хитро. Необходимо предостеречь иностранцев, которым правительство России дает казаков в качестве служителей.

Напрасно иностранец надеется своим добрым отношением и щедростью вызвать благодарность в сердцах таких служителей и напрасно он ждет от них честности, хотя бы по отношению к себе. Я мог бы поделиться личным опытом на этот счет, но лучше умолчать об этом по некоторым причинам.

Я могу упомянуть здесь только один характерный эпизод.

Однажды, когда я готовился к поездке по местам, где можно было ожидать грабежа, один из казаков эскорта отдал мне долг, довольно большую для его состояния сумму. Мне захотелось узнать, откуда у него появились деньги. Но так как я знал коварный и нечестный характер этих людей, я не имел надежды услышать правду, поэтому решил привлечь в качестве информатора одного из его товарищей.

Как-то мы расположились на берегу и развели костер. Я сидел рядом с казаком, бывшим навеселе от изрядной порции водки. Я стал расспрашивать его о службе, о жизни в бараках и про денежное жалованье.

В ответ я услышал обычную жалобу, что казак не может свободно жить на такое скромное жалованье.

– Но, – прервал я его, – как тогда возможно, что ваши кошельки всегда полны? Откуда у твоего товарища Ивана такая денежная сумма, которую он отдал мне?

– Это прибыль, – очень сухо отвечал Иван, – от кражи волов. Ему посчастливилось угнать пять голов рогатого скота.

– У кого же он взял скот?

– Это были глупые грузинские крестьяне.

– И вам не стыдно? Ведь воровство преступно! И что говорят ваши офицеры, если обнаружат кражу?

– Казаку необходимо воровать в чужой стране. И они делают это, когда есть возможность. Мы вынуждены красть, потому что не можем жить на свое жалованье. Наши офицеры хорошо видят, что происходит, но закрывают на это глаза. Но никто не бывает так глуп, чтобы быть замеченным, иначе можно получить розог!

Видно, у казаков дела обстоят как у древних спартанцев. Ловкий вор остается безнаказанным, а попавшийся на воровстве подвергается наказанию.

Похоже, что у казаков, как и у спартанцев, воровство проходит безнаказанно, пока неуклюжий вор не будет пойман.

С другой стороны, жаль жителей областей, отдаленных от Тифлиса, которые не могут прислать жалобы главнокомандующему.

Одна из преследуемых сект эмигрантов-молокан...будучи в отчаянии от казачьих грабежей, отправилась в Тифлис жаловаться. Но губернатор округа, который боялся упреков генерал-губернатора, послал за ними нескольких казаков, которые настигли жалобщиков и избили их до полусмерти. Им пришлось долго лежать в постели и после этого их жалоба так и не дошла до Тифлиса»[26]...

Источник: Российская государственность в судьбах народов Кавказа - X. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24-25 ноября 2017 г. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – С.78-105.

[26] M.Wagner «Travels in Persia...». vol. 2. pp.9-13.